

Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке*

И. А. Захаров^{1,2}, С. А. Горохов¹, Р. В. Дмитриев^{1,2}

¹ Институт географии Российской академии наук,
Российская Федерация, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29

² Институт Африки Российской академии наук,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Для цитирования: Захаров, И. А., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. (2020). Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 65 (4), 640–653. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.402>

Статья посвящена выявлению роли религиозной конкуренции в пространственном развитии конфликтных зон в Африке. На основе статистических данных базы ACLED (Armed Conflict Location and Event Data) за период 1997–2017 гг. выделены три конфликтные зоны: Судано-Сахельский коридор, периферия католического «домена» в центральной части континента, а также страны бассейна озера Чад. Полученные результаты позволили уточнить выводы о конфликтном потенциале макрорегиона в рамках цивилизационного подхода. Эмпирически подтверждено, что возникновение большей части конфликтов в Африке приурочено к Судано-Сахельскому коридору — в первую очередь к странам, в которых наблюдается паритет адептов христианства и ислама. Корреляционный анализ подтвердил, что при такой конфессиональной структуре населения возрастает уровень жестокости конфликтов. В других конфликтных зонах возникновение конфликтов обусловлено обострением конкуренции между различными направлениями одной религии. На периферии католического «домена» конфликты в настоящее время носят этнополитический характер, но их возникновение обусловлено особенностями конкуренции между католическими и протестантскими миссионерскими обществами. Для стран бассейна озера Чад характерна конкуренция суннизма и шиизма, а также фундаментальных и умеренных течений ислама. Вместе с тем данная конфликтная зона является одним из крупнейших «продуцентов» радикальных исламистских организаций; уровень организованности последних зачастую выше, чем у противостоящих им государственных и международных органов. Между конфликтными зонами существует тесная пространственная взаимосвязь, поэтому страны, входящие в несколько конфликтных зон, в большей степени подвержены риску возникновения комплексных конфликтов. Полученные результаты свидетельствуют о сильном влиянии религиозного фактора на конфликтный потенциал африканского континента. Анализ исторических материалов показал, что возникновение конфликтов в выделенных зонах определяется в первую очередь логикой развития конфессионального пространства стран Африки и может быть объяснено с позиции концепции конкурентного развития конфессионального геопространства.

Ключевые слова: Африка, конфессиональное геопространство, конфликты, конфликтный потенциал, религиозная конкуренция.

* Статья подготовлена по материалам исследований по темам ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008 и Института Африки РАН № 0192-2019-0021. Методика исследования разработана в рамках темы ГЗ № 0192-2019-0021; расчеты выполнены в рамках темы ГЗ № 0148-2019-0008.

1. Введение

Существующая территориальная структура конфессионального пространства Африки содействует обострению конкуренции между лидирующими по численности адептов религиями континента — христианством и исламом, а также между их направлениями (Gorokhov et al., 2018). Внутри- и межрелигиозная конкуренция не только меняет соотношение численности последователей отдельных религий и направлений, но порождает коренные социально-политические и экономические изменения, что влечет за собой существенный рост рисков зарождения конфликтов на религиозной почве (Фитуни, 2017). Как отмечают крупнейшие российские африканисты А. М. Васильев и А. А. Потапов, «этнические и/или конфессиональные убеждения и стереотипы, как новые, так и архаичные, социально-этническая или религиозная психология стали основным фактором в развитии конфликтов или в их провоцировании», и затем: «...негативное восприятие другого этноса или другой конфессиональной группы порой намеренно культивируется правящими кругами для того, чтобы стимулировать продолжение войны и отвлечь основную часть населения от социально-экономических трудностей» (Васильев и Потапов, 2002, с. 48).

Замещение одной религии другой в результате религиозной конкуренции (Gorokhov, 2019) может провоцировать замещаемую конфессию на различные реакции. В одних случаях эта реакция может проявляться в «зеркальной» активизации миссионерской деятельности, в других — в попытках добиться от государства определенных преференций для своей деятельности, в третьих — в инициировании своих адептов на агрессивные действия против конкурирующей конфессии, и т. д. В настоящей статье нас будет интересовать именно последний сценарий развития религиозной конкуренции, который проявляется в возникновении конфликтов, принимающих насильственный характер¹, между двумя и более религиозными группами. В качестве цели исследования мы ставим установление особенностей возникновения и локализации религиозных конфликтов в Африке под влиянием религиозной конкуренции.

2. Материалы и методы

Масштабные преобразования конфессионального пространства Африки, произошедшие за сравнительно короткое время, существенно повысили конфликтный потенциал этого макрорегиона. В рамках изучения последнего в отечественной географии и смежных дисциплинах достаточно часто используется цивилизационный подход, подчеркивающий роль религиозного фактора в возникновении и эскалации конфликтов. Нами принимается, что большая часть конфликтов со-

---

¹ В некоторых случаях в качестве «соперника» религиозная группа может видеть «чуждую» ей идеологию. Например, для многих мусульман Африки таким «соперником» выступает вестернизация и глобализация, которая, по их мнению, угрожает их культуре. Реакция на этот процесс со стороны мусульманской общины чаще всего выражается в неодобрении западных идеалов и выбора своего особого пути, основанного на исламской культуре. Однако возникают и радикальные группировки, отождествляющие вестернизацию и «носителей» ценностей, против которых, по их мнению, необходимо бороться. Таковыми может выступать государство, определенные социальные группы, отдельные люди (Schroeder, 2011).

средоточена в зоне «межконфессиональных разломов», границ цивилизаций, цивилизационных лимитрофов и т. п., с чем согласно большинство российских экспертов. Например, А. Б. Себенцов и В. А. Колосов отмечают, что большинство неконтролируемых территорий (НТ) в Африке располагается вдоль «цивилизационных, межконфессиональных разломов», а «наиболее остры конфликты на разломе между христианской и мусульманской цивилизациями». Авторы совершенно верно констатируют, что «в Африке, особенно к югу от Сахары, вдоль такого разлома протягивается целый пояс “НТ”», при этом «религиозный фактор имеет немалое значение...» (Себенцов и Колосов, 2012). Е. М. Панин заостряет свое внимание на «Исламской оси Лимитрофа», в состав которого входит в том числе «Афразийско-африканский Лимитроф» в зоне Сахеля. В своих работах автор приходит к выводу об обусловленности конфликтов в пределах «Лимитрофов» в первую очередь конфессиональными различиями (Панин, 2012). А. В. Любичанковский (2014), опираясь на ставшие классическими труды Л. Н. Гумилева, приходит к схожим выводам о том, что религиозный фактор послужил одной из причин того, что «сегодня африканский континент прочно охвачен целой сетью террористических организаций». К данным выводам приходят в своих работах и конфессиональные географы (Горохов, 2012), где с опорой на современные статистические данные рассматриваются особенности пространственного взаимодействия между цивилизациями. Отдельно отметим работу И. П. Супрунчука, в которой автор выделяет террористические регионы мира. Африка, в частности, разделена им на два террористических региона — «южно-африканский и северо-африканский», которые отличаются по «интенсивности, сформированности и масштабности» (Супрунчук, 2015, с. 56–57). Однако полученные результаты, на наш взгляд, требуют уточнения.

Широко представлен и теоретически обоснован цивилизационный подход в трудах российских и зарубежных политологов и историков. В числе авторитетных академических подразделений, занимающихся данной проблематикой, можно назвать широко известный как в России, так и за рубежом Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН под руководством И. В. Следзевского (Следзевский, 2011).

Само понятие «религиозный конфликт» мы трактуем, руководствуясь определением, предложенным В. А. Тишковым для характеристики этнического конфликта: «организованными политическими действиями, общественными движениями, массовыми беспорядками, сепаратистскими выступлениями и даже гражданскими войнами, в которых противостояние происходит по линии этнической общности. Обычно это конфликты между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве» (Тишков, 1992, с. 42). Таким образом, к религиозным конфликтам мы относим любое соперничество между религиозными группами, при котором одна из них располагает властью и ресурсами в государстве или его отдельной части. Тем не менее здесь необходимо оговориться, что любой конфликт имеет комплексную природу, поэтому в статье мы не абсолютизируем роль религиозного фактора, а говорим о нем как об одном из нескольких.

Определенный недостаток работ в области конфликтологии в целом и географии конфликтов в частности, выполненных в цивилизационном ключе, заключается в недостаточном использовании статистических данных официальной статистики для подтверждения полученных выводов. Можно также отметить, что

в своих исследованиях сторонники цивилизационной парадигмы часто априори принимают конфессиональную структуру населения однородной внутри цивилизаций, однако для Африки это выглядит не вполне корректно (Андреева, 2016). На основе цивилизационного подхода, а точнее, исходя их концепта «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (2003), большинство конфликтов в Африке должно концентрироваться в контактной зоне геопространств христианства и ислама, которая характеризуется самым интенсивным взаимодействием между этими крупнейшими религиями континента. Однако ни российскими, ни зарубежными исследователями границы данной зоны до сих пор не определены. Тем не менее утверждается, что наиболее активные конфликты должны наблюдаться в государствах с примерно равной численностью адептов мировых религий. На наш взгляд, данные тезисы также нуждаются в проверке, что будет сделано в рамках достижения поставленной цели.

Для этого нами используется база данных Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED) (ACLED, 2018a), содержащая информацию об основных характеристиках конфликтов в странах Африки с 1997 г. Для дальнейшего анализа нами были использованы следующие из них: 1) общее количество конфликтов²; 2) общее количество жертв (смертей); 3) доля конфликтов без жертв; 4) доля конфликтов с жертвами; 5) масштабность конфликтов (среднее число жертв одного конфликта); 6) среднее число жертв одного конфликта с жертвами. В совокупности приведенные характеристики позволяют дать комплексную оценку конфликтов, в частности их масштабность в пределах каждой отдельной территориальной единицы. Последняя оценивается исходя из среднего количества жертв за конфликт и позволяет разделить конфликты на мелко-, средне- и крупномасштабные (Супрунчук, 2015). В нашем исследовании оценка масштабности конфликта дополняется общим количеством конфликтов и жертв, долей конфликтов с жертвами и без.

Для проверки тезиса о том, что риск возникновения конфликтов при установлении в конфессиональной структуре населения паритета ислама и христианства резко повышается, использовался корреляционный анализ с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона (r), который рассчитывался по формуле

$$r = \frac{\sum(x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x - \bar{x})^2 \sum(y - \bar{y})^2}},$$

где x — выборочные значения закодированных типов конфессиональной структуры населения; y — выборочные значения закодированных характеристик конфликтности.

Важной проблемой исследования религиозных конфликтов в географии и смежных дисциплинах является вычленение религиозной составляющей и неоднозначность самого понятия «религиозный конфликт». Создатели ACLED предоставляют исследователям право трактовать его на свое усмотрение. Вместо него в базе ACLED используется термин «событие» (event) — любое зафиксированное

---

² В базе данных ACLED указывается точное место и дата конфликта. В тех случаях, когда конфликт продолжается в течение большего времени, он фиксируется как несколько «событий» (ACLED, 2018b).

происшествие, носящее насильственный характер (ACLED, 2017). В целях вычленения роли религиозного фактора в возникновении этих «событий» нами был применен контент-анализ их акторов, указанных в используемой статистической базе, а также изучена эволюция существующих в странах Африки конфликтов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрение географии конфликтов в Африке за 1997–2017 гг. на основе массива эмпирических и исторических данных позволило установить три конфликтные зоны в макрорегионе, где наблюдается повышенная концентрация конфликтов (см. рисунок).

Судано-Сахельский коридор (ССК). Полученные результаты свидетельствуют о том, что сближение геопространств христианства и ислама сопровождалось усилением религиозной конкуренции и возникновением конфликтов. Большая часть

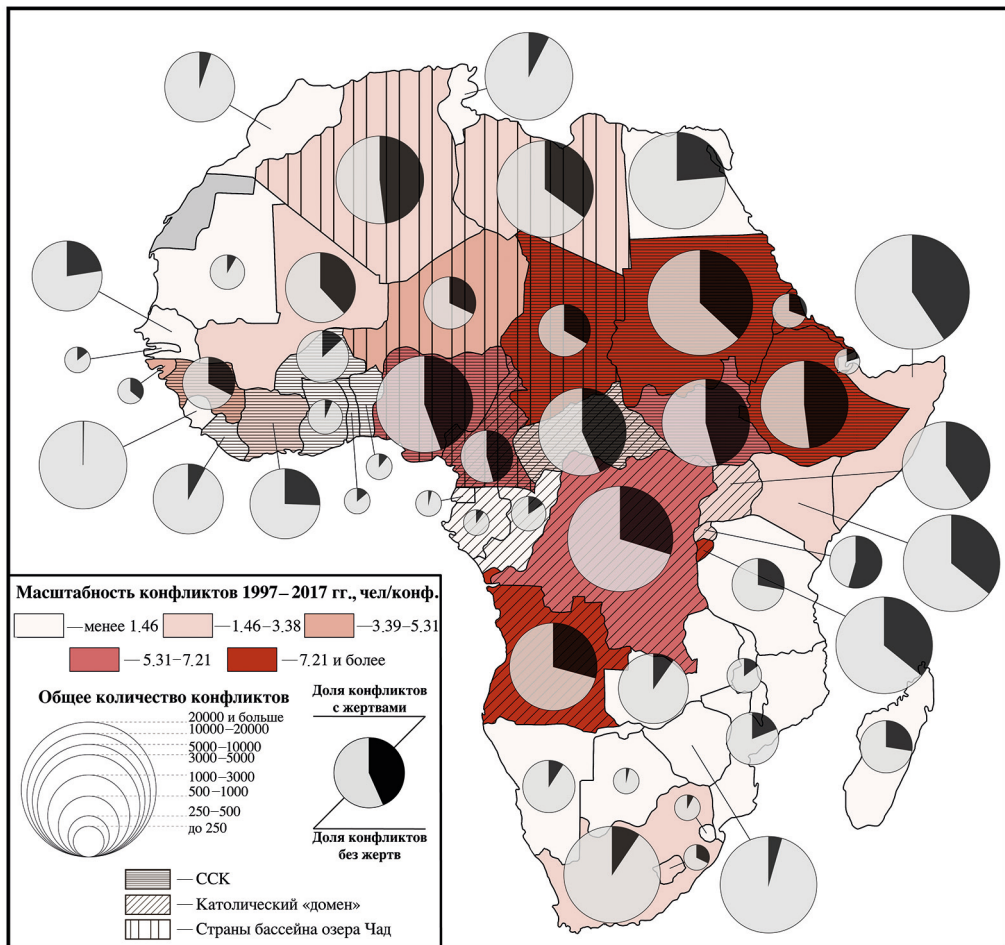

Рисунок. География конфликтов в Африке (1997–2017).

Рассчитано и составлено по: (ACLED, 2018a)

из них локализована в ССК³, включающем в себя страны, в которых в 1990–2010 гг. происходила трансформация, т.е. расширение или сжатие геопространств христианства и ислама в Африке. В период 1997–2017 гг. на страны, полностью или частично входящие в ССК, пришлось 30.1 % всех конфликтов Африки и почти половина всех жертв. При этом конфликты на этой территории отличались жестокостью — 39.5 % из них привели к жертвам, а их среднее число за конфликт составило 7.7 при среднем значении 4.9 по макрорегиону (табл. 1).

Таблица 1. Основные характеристики конфликтов в конфликтных зонах Африки, 1997–2017 гг.

Характеристика	Африка	ССК ^{*,**}	Католический «домен» ^{**}	Страны бассейна озера Чад ^{**}
Количество конфликтов, тыс. единиц	140.7	43.6	30.4	21.4
Количество жертв, тыс. человек	686.6	333.7	278.2	97.7
Среднее число жертв, чел./конфликт	4.9	7.7	9.2	4.6
Среднее число жертв, чел./конфликт с жертвами	15.6	19.4	25.6	10.7
Доля конфликтов с жертвами, %	31.4	39.5	35.8	42.4
Доля конфликтов без жертв, %	68.6	59.5	64.2	57.6

* В пределах ССК большая часть конфликтов и жертв приходится на страны, претерпевающие трансформацию конфессионального пространства.

** Общее количество конфликтов и жертв превышает таковое по Африке, так как некоторые страны входят в две или три конфликтные зоны.

Рассчитано и составлено по: (ACLED, 2018a).

Таким образом, полученные данные подтверждают тезис о том, что возникновение конфликтов в Африке тяготеет к зоне контактного взаимодействия геопространств христианства и ислама. Эмпирические данные, а также результаты корреляционного анализа типов конфессиональной структуры населения стран Африки и характеристик конфликтности (табл. 2) частично подтвердили тезис о том, что на страны, в которых наблюдается паритет христианства и ислама — Нигерию, Эфиопию, Эритрею, Судан (в границах 2010 г.), приходится значительная часть конфликтов в Африке. Так, в пределах ССК на страны с такой конфессиональной структурой пришлось 65.0 % общего количества конфликтов, возникших в данной зоне, и 90.0 % всех жертв в них. В этих странах более вероятно увеличение среднего числа жертв одного конфликта (уровень корреляции 0.643), среднего числа жертв одного конфликта, приведшего к жертвам (0.667), соответственно возникающие в таких странах конфликты отличаются высокой жестокостью. Так, к жертвам привели 43.5 % конфликтов в странах, конфессиональная структура населения

³ В ССК полностью или частично входят Либерия, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Гана, Буркина-Фасо, Того, Бенин, Нигерия, Камерун, Чад, ЦАР, Судан, Южный Судан, Эфиопия, Кения и Танзания.

которых характеризуется паритетом христианства и ислама, а среднее количество жертв в каждом из них составляло 25.6 человек (ACLED, 2018a).

Таблица 2. Значение коэффициента корреляции (по Пирсону) между конфессиональной структурой населения* стран Африки и основными характеристиками конфликтов**, 2010 г.

Тип конфессиональной структуры населения	Общее кол-во к. (А)	Кол-во ж. (Б)	Доля к. без ж. (В)	Доля к. с ж. (Г)	Среднее число ж. (Д)	Среднее число ж. от к. с ж. (Е)
Преобладание Х со значительной долей Э (1)	0.078	-0.099	0.195	-0.145	-0.113	-0.131
Преобладание Х со значительной долей И (2)	-0.119	-0.099	0.021	-0.032	0.134	0.131
Преобладание И со значительной долей Х (3)	-0.083	-0.069	0.015	-0.101	-0.079	-0.092
Преобладание Х (4)	0.082	-0.053	-0.004	0.015	-0.100	-0.255
Преобладание И (5)	-0.150	-0.124	-0.085	0.0475	-0.186	0.035
Преобладание Х со значительной долей других религий (6)	-0.065	0.041	0.035	-0.090	-0.104	-0.215
Преобладание И со значительной долей других религий (7)	0.275	0.212	-0.065	0.079	0.134	0.263
Паритет Х и И (8)	0.184	0.383	-0.219	0.278	0.642	0.667
Паритет Х и Э (9)	-0.119	-0.099	0.195	-0.145	-0.113	-0.131
Паритет И и Э (10)	-0.083	-0.069	0.136	-0.101	-0.079	-0.092

Примечание: В таблице используются сокращения: Х — христианство; И — ислам; Э — этнорелигии; к. — конфликт; ж. — жертва.

* Каждому проанализированному типу конфессиональной структуры населения был присвоен порядковый номер во избежание перегрузки текста.

** Каждой характеристике конфликтов присвоена буква по той же причине.

Рассчитано и составлено по: (Brown and James, 2019; ACLED, 2018a).

Периферия католического «домена»⁴. За 1997–2017 гг. на данную зону пришлось 21.6% всех конфликтов Африки, которые при этом отличались крупномасштабностью и жестокостью (табл. 1). В странах, граничащих или составляющих католический «домен» (Горохов и Захаров, 2017), конфликты носят, на первый взгляд, этнополитический характер (ДПК, Ангола, Бурунди, Руанда, Уганда), но при более глу-

⁴ Католический «домен» полностью или частично включает в себя ДПК, Республику Конго, Экваториальную Гвинею, Габон, Анголу, ЦАР, Камерун, Уганду, Руанду, Бурунди.

боком историко-географическом анализе становится очевидно, что эти конфликты во многом обусловлены спецификой и географией миссионерской деятельности.

Так, геноцид в Руанде и современный политический конфликт в Бурунди уходят корнями в конец XIX — начало XX в. и имеют не только этнический, но и религиозно-политический характер⁵. Националистическая политика немецких, а позже бельгийских и французских колонизаторов, проводимая через католические миссионерские общества, воплотилась в сегрегации этнических групп, при которой тутси занимали привилегированное положение, а хуту — низшую ступень социальной лестницы (до 1959 г.). После обретения страной независимости это вылилось в серию насильственных действий хуту против тутси (Sherrer, 2002). Схожая ситуация характерна и для ДРК, где религиозный фактор оказал существенное влияние на генезис существующего здесь конфликта⁶ (там же).

Ярким проявлением конкуренции между католицизмом и протестантизмом стала Гражданская война в Анголе. Крупнейшие акторы данного конфликта — ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы), МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы — Партия труда), созданные «черной элитой», — имеют разный «бэкграунд». ФНЛА возникла на севере страны, где с 1878 г. работали британские баптисты; УНИТА — в центральном высокогорье, где действовали американские и канадские конгрегационалисты; МПЛА — в районе между Луандой и Маланже, где миссионерством занималась Методистская епископальная церковь. При этом прямую или косвенную поддержку этим группировкам поначалу оказывали страны, в которых возникла материнская церковь соответствующего направления христианства (Ball, 2017), но затем внутренний конфликт претерпел эскалацию в ходе «холодной войны» (Kanet, 2006). Таким образом, несмотря на то что сам конфликт этих националистических группировок носит скорее политический характер, его возникновение обусловлено влиянием миссионерских и церковных организаций, а также созданным колониальными властями социальным дисбалансом между регионами страны.

*Страны бассейна озера Чад*⁷. На данную зону пришлось только 15.2 % конфликтов Африки и 14.2 % от общего количество жертв этих конфликтов, причем доля конфликтов с жертвами здесь несколько выше, чем в других конфликтных зонах. Отличительная черта данной зоны — высокая активность террористических группировок (Dmitriev et al., 2020). Необходимо отметить, что именно в странах бассейна озера Чад формируются условия для создания различными радикальными группировками, сформированными по конфессиональному принципу, своих баз,

---

⁵ Существует мнение, что для африканских государств испокон веков характерны межэтнические трайбалистские войны, однако этот тезис не находит эмпирических подтверждений. Действительно, на континенте, особенно в районе великих африканских озер, существовало большое количество королевств, которые время от времени вели войны. Однако достоверных свидетельств о гражданских межэтнических или межклассовых войнах внутри одного государственного образования до XX в. найдено не было, но большое количество таких примеров можно найти в колониальный и постколониальный этапы (Sherrer, 2002).

⁶ Смори письмо короля Леопольда II миссионерам, направляющимся в Африку (Letter..., n. d.).

⁷ К странам бассейна озера Чад относятся Нигерия, Нигер, Камерун, Чад, южная часть Ливии и Алжира.

складов, укрытий и другой инфраструктуры, благодаря которым они в состоянии контролировать транссахарские транспортные магистрали и даже отдельные населенные пункты. Благодаря контролю над этой обширной территорией и прозрачности государственных границ⁸ такие группировки получают возможность расширить поле своей деятельности, оперируя сразу в нескольких странах бассейна озера Чад (Walther, 2009). Они отличаются высокой мобильностью, что дает им преимущество над менее маневренными международными миротворческими силами и правительственными контртеррористическими формированиями (Walther and Retaille, 2010). В результате эта конфликтная зона стала, вероятно, крупнейшим «продуцентом» террористических и других радикальных группировок в мире; за последнее двадцатилетие здесь возникли⁹ Islamic Salvation Front, Armed Islamic Group, Salafist Group for Preaching and Combat, Al-Qaida in the Islamic Maghreb (AQIM — запрещенная в РФ террористическая организация), Boko Haram («Бoko Харам» — запрещенная в РФ террористическая организация), Ansar Dine, Fulani extremists, Ansaru, Revolutionary Armed Forces of the Sahara, Movement for Oneness and Jihad in West Africa и др. (ACLED, 2018a; Institute for Economics & Peace, 2016).

В этом отношении интерес представляет пример Алжира и особенно Ливии, где возникновение конфликтов в значительной степени обусловлено деятельностью AQIM, которая закрепилась в южных районах рассматриваемых стран после «арабской весны» (Institute for Economics & Peace, 2016). Алжир вместе с Ливией (юг стран) являются «очагами» распространения террористических группировок в ССК (там же). Это утверждение также можно считать справедливым для Нигерии, где оперирует «Бoko Харам».

Активизация деятельности последней совпало по времени с увеличением доли ахмадий (Brown and James, 2019) в мусульманском населении на севере Камеруна. Это может свидетельствовать о том, что возникновение конфликтов в данной стране непосредственно связано с фактическим «расколом» ее конфессионального пространства на христианский юг и подвергающийся политической дискриминации мусульманский север, что закономерно приводит к популяризации радикальных и сепаратистских настроений в мусульманской общине страны (Moody, 2017). Схожая ситуация характерна для ЦАР и Уганды, где религия и политика тесно связаны друг с другом (Holger, 1995; Малышева, 1974). В ЦАР главные акторы конфликта представлены группировками «Селека», объединяющей преимущественно мусульман, и «Антибалака», большинство приверженцев которой — христиане и частично адепты этнорелигий. Противостояние этих групп вылилось в затяжную гражданскую войну и привело к практически полной потере правительством контроля над территорией государства. В Уганде произошла активизация христианских террористических группировок Holy Spirit и Lord's Resistance Army¹⁰, чье поле деятельности, расширяясь, уже охватывает территорию соседних ЦАР и ДРК (Institute for Economics & Peace, 2016).

⁸ Границы между странами Сахарско-Сахельской зоны практически не контролируются государством (Giroux et al., 2009; Walther, 2009).

⁹ Названия радикальных группировок даны на английском языке для единообразия, так как не для каждого из них существует русский эквивалент.

¹⁰ Организация Holy Spirit существовала до 1986 г., но после ее разгрома образовалось большое количество мелких группировок, одна из которых переросла в Lord's Resistance Army (Allen, 1991).

Пространственное поведение целого ряда радикальных организаций (например, AQIM, «Боко Харам» и т. д.) указывает на высокую вероятность расширения и интеграции конфликтных зон; этот риск обусловлен прежде всего интенсификацией миграционных процессов в современном мире (Синцеров, 2019). Так, поле деятельности террористических группировок за последнее двадцатилетие претерпело расширение на юг континента с целью установления контроля над транспортными путями в Западной Африке, а также месторождениями полезных ископаемых в Центральной Африке. Вместе с тем пример Мозамбика, где с 2017 г. активизировалось «Исламское государство» (запрещенная в РФ террористическая организация), свидетельствует об *интеграции локальных радикальных группировок в региональную и даже глобальную террористические сети*. Таким образом, дальнейшее развитие конфликтных зон в Африке может нести угрозу глобальной безопасности.

4. Заключение и выводы

Проведенное исследование ставит своей целью выделение особенностей возникновения и локализации конфликтов в Африке в условиях конкуренции крупнейших религий макрорегиона. Привлечение статистических и географических методов позволило на примере Африки эмпирически подтвердить и уточнить ряд частных выводов, полученных ранее нашими предшественниками в рамках применения цивилизационного подхода к изучению религиозных конфликтов.

1. Конфликты в Африке носят комплексный характер, выделить среди них однозначно религиозные не представляется возможным. Тем не менее влияние религиозного фактора на конфликты можно охарактеризовать как существенное. Данная связь обусловлена, во-первых, набором акторов конфликтов и их генезисом, — в частности, значительная часть из них аффилирует (или аффилировала) себя с религией или миссионерскими обществами; во-вторых, логикой развития конфессионального пространства Африки, что проявляется особенно ярко в выделенных нами конфликтных зонах макрорегиона: Судано-Сахельском коридоре, периферии католического «домена» и странах бассейна озера Чад.
2. На данные зоны приходится 2/3 конфликтов в Африке, которые отличаются крайней жесткостью (высокая доля конфликтов с жертвами) и большей масштабностью (среднее число жертв одного конфликта). При этом конфликты здесь носят не только меж-, но и внутрирелигиозный характер.
3. Использование корреляционного анализа позволило установить, что риск возникновения масштабных и жестоких межрелигиозных конфликтов повышается при установлении численного паритета между адептами христианства и ислама. В остальных случаях уровень конфликтности в общем случае не зависит от типа конфессиональной структуры населения.
4. Между конфликтными зонами существуют тесная пространственная взаимосвязь, а уровень организованности субъектов конфликтов зачастую выше, чем у государственных и международных органов, противостоящих им (особенно в странах бассейна озера Чад), что существенно затрудняет разрешение существующих противоречий.

5. Страны, входящие сразу в несколько конфликтных зон, в большей степени подвержены риску возникновения масштабных и комплексных конфликтов. Примером таких государств могут служить Нигерия, Камерун, Чад, Южный Судан, ЦАР и др. При этом деятельность некоторых радикальных организаций способствует расширению и интеграции конфликтных зон, что несет в себе угрозу не только региональной, но и глобальной безопасности.

Литература

- Андреева, Л. А. (2016). Афрохристианская и афроисламская цивилизационные идентичности в Тропической Африке. *Социальные исследования*, 2, 19–31.
- Васильев, А. М., Потапов, А. А. (2002). Конфликты в Африке. В: И. О. Абрамова, под ред., *Страны Африки*. Москва, 48–59.
- Горохов, С. А. (2012). Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX — начале XXI в. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6, 107–116.
- Горохов, С. А., Захаров, И. А. (2017). Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX — начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии. В: И. В. Следзевский, под ред., *Цивилизационные альтернативы Африки. Сер. «Цивилизационные измерения»*. Москва, 113–128.
- Любичанковский, А. В. (2014). Этнологическая детерминанта локализации террористической опасности в мире. *Вестник ассоциации российских географов-обществоведов*, 3, 153–158.
- Малышева, Д. Б. (1974). *Религия и политика в странах Восточной Африки*. Москва: Наука.
- Панин, Е. М. (2012). Исламская ось Великого Лимитрофа. *Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*, 2, 15–30.
- Себенцов, А. Б., Колосов, В. А. (2012). Феномен неконтролируемых территорий в современном мире. *Политические исследования*, 2, 31–46.
- Синцеров, Л. М. (2019). География международных миграций населения в современную эпоху глобализации. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2, 31–40.
- Следзевский, И. В. (2011). Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики. *Общественные науки и современность*, 2, 145–156.
- Супрунчук, И. П. (2015). *Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности*. Диссертация ... кандидата географических наук. Северо-Кавказский федеральный университет.
- Тишков, В. А. (1992). Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий. В: Е. И. Степанов, под ред., *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*. Москва, 23–42.
- Фитуни, Л. Л. (2017). После ИГИЛ: «Джихадистский этатизм» в стратегической перспективе. *Азия и Африка сегодня*, 12, 19–23.
- Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
- ACLED. (2017). *ACLED Definitions of Political Violence and Protest*. [online] Доступно на: https://acleddata.com/acleddatanew/wp-content/uploads/dlm_uploads/2019/04/ACLED-Event-Definitions_Final.pdf [Дата доступа 15.11.2020].
- ACLED. (2018a). *Africa Data 1997 — Present (Data Through 12 May 2018)*. [online] Доступно на: <https://www.acleddata.com/download/2909/> [Дата доступа 15.11.2020].
- ACLED. (2018b). *Codebook Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED)*. [online] Доступно на: <https://www.acleddata.com/download/2827/> [Дата доступа 15.11.2020].
- Allen, T. (1991). Understanding Alice: Uganda's Holy Spirit Movement in context. *Africa: Journal of the International African Institute*, 61 (3), 370–399. <https://doi.org/10.2307/1160031>
- Ball, J. (2017). The History of Angola. In: *Oxford Research Encyclopedia of African History*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277734.013.180>
- Brown, D. and James, P. (2019). *Religious Characteristics of States Dataset Project — Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only*.
- Dmitriev, R. V., Gorokhov, S. A. and Zakharov, I. A. (2020). Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions. *Filosofia Theoretica: Journal of African Philosophy, Culture and Religions*, 9, 47–62. <https://doi.org/10.4314/ft.v9i1.4>

- Giroux, J., Lanz, D. and Sguaitamatti, D. (2009). The Tormented Triangle: the regionalisation of conflict in Sudan, Chad and the Central African Republic. *Crisis States Research Centre working papers series*, 2 (47), 2–24.
- Gorokhov, S. A. (2019). The Cyclical Movement of Religions: From Unity toward... Unity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (4), 388–395. <https://doi.org/10.1134/S1019331619040026>
- Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. and Zakharov, I. A. (2018). Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th — Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*, 39 (1), 88–94. <https://doi.org/10.1134/S1875372818010122>
- Holger, B. (1995). *Religion and Politics in East Africa: The Period of Independence*. London: James Currey.
- Institute for Economics & Peace. (2016). *Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism, IEP Report*. [online] Доступно на: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> [Дата доступа 23.11.2020].
- Kanet, R. (2006). The Superpower Quest for Empire: The Cold War and Soviet Support for 'Wars of National Liberation'. *Cold War History*, 6 (3), 331–352. <https://doi.org/10.1080/14682740600795469>
- Letter from King Leopold II of Belgium to Colonial Missionaries*, 1883. (n.d.) [online] Доступно на: <http://www.fafich.ufmg.br/luarnaut/Letter%20Leopold%20II%20to%20Colonial%20Missionaries.pdf> [Дата доступа 15.11.2020].
- Moody, J. (2017). *Cameroon — October 2017 Update*. [online] Доступно на: <https://www.acleddata.com/2017/10/09/cameroon-october-2017-update/> [Дата доступа 15.11.2020].
- Schroeder, J. R. (2011). *Islam vs. the West: Why the Clash of Civilizations?* [online] Доступно на: <https://www.ucg.org/the-good-news/islam-vs-the-west-why-the-clash-of-civilizations> [Дата доступа 15.11.2020].
- Sherrer, C. P. (2002). *Genocide and Crisis in Central Africa: Conflict Roots, Mass Violence, and Regional Wars*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC.
- Walther, O. (2009). A Mobile Idea of Space. Traders, Patrons and the Cross-Border Economy in Sahelian Africa. *Journal of Borderlands Studies*, 21, 34–46. <https://doi.org/10.1080/08865655.2009.9695716>
- Walther, O. and Retaillé, D. (2010). Sahara or Sahel? The Fuzzy Geography of Terrorism in West Africa. *SSRN Electron Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1803996>

Статья поступила в редакцию 26 января 2020 г.

Статья рекомендована в печать 12 октября 2020 г.

Контактная информация:

Захаров Иван Андреевич — vanszax@yandex.ru

Горохов Станислав Анатольевич — stgorohov@yandex.ru

Дмитриев Руслан Васильевич — dmitrievrv@yandex.ru

The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa*

I. A. Zakharov^{1,2}, S. A. Gorokhov¹, R. V. Dmitriev^{1,2}

¹ Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russian Federation

² Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation

For citation: Zakharov, I. A., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. (2020). The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 65 (4), 640–653. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.402> (In Russian)

* The article was compiled on the basis of research materials on the topics of State Assignment of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences No. 0148-2019-0008 and the African Institute of the Russian Academy of Sciences No. 0192-2019-0021. The research methodology was developed within the framework of State Assignment topic No. 0192-2019-0021; the calculations were made within the framework of State Assignment topic No. 0148-2019-0008.

The article attempts to identify the impact of religious competition on the spatial development of conflict zones in Africa. On the basis of ACLED (Armed Conflict Location and Event Data) for 1997–2017, three conflict zones were identified: the Sudan-Sahel Corridor, the periphery of the Catholic “domain” in the central part of the continent and the countries of the Lake Chad Basin. The results made it possible to clarify some findings and conclusions about the conflict potential of the macroregion obtained in civilizational studies. It is confirmed that most conflicts in Africa are located in the Sudan-Sahel Corridor (this territory roughly corresponds to the border of Islamic and African civilizations), primarily in countries with a fairly equal number of Christian and Muslim. Correlation analysis confirmed that such a confessional structure of the population is conflict-prone; it contributes to increased ferocity of conflicts. However, religion-based violence does not exclusively appear in the zones of competition between Islam and Christianity; there are other conflict zones where the emergence of conflicts is due to growing competition between branches of the same religion. On the periphery of the Catholic “domain” conflicts are currently ethno-political in nature, but their occurrence is ascribed largely to the competition between Catholic and Protestant missionary societies. The countries of the Lake Chad Basin are characterized by competition between Sunnism and Shiism. At the same time, this conflict zone is one of the largest “producers” of radical Islamist groups; the organization level of the latter is often higher than that of opposing state and international bodies. There is a close spatial connection between conflict zones. In this regard, countries belonging to several conflict zones are at higher risk of emergence of complex conflicts. The findings indicate a strong influence of the religious factor on the conflict potential of the African continent. The analysis of historical materials showed that the occurrence of conflicts in the identified conflict zones is determined primarily by the logic of African countries’ confessional space development and can be explained from the standpoint of the concept of competitive development of confessional geospace.

Keywords: Africa, confessional geospace, conflicts, conflict potential, religious competition.

References

- ACLED. (2017). *ACLED Definitions of Political Violence and Protest*. [online] Available at: https://acleddata.com/acleddatanew/wp-content/uploads/dlm_uploads/2019/04/ACLED-Event-Definitions_Final.pdf [Accessed Nov. 15, 2020].
- ACLED. (2018a). *Africa Data 1997 — Present (Data Through 12 May 2018)*. [online] Available at: <https://www.acleddata.com/download/2909/> [Accessed Nov. 15, 2020].
- ACLED. (2018b). *Codebook Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED)*. [online] Available at: <https://www.acleddata.com/download/2827/> [Accessed Nov. 15, 2020].
- Allen, T. (1991). Understanding Alice: Uganda’s Holy Spirit Movement in context. *Africa: Journal of the International African Institute*, 61 (3), 370–399. <https://doi.org/10.2307/1160031>
- Andreeva, L. A. (2016). Afro-Christian and Afro-Islamic Civilizational Identity in Sub-Saharan Africa. *Sotsial’nye issledovaniia*, 2, 19–31. (In Russian)
- Brown, D. and James, P. (2019). *Religious Characteristics of States Dataset Project — Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only*.
- Ball, J. (2017). The History of Angola, в *Oxford Research Encyclopedia of African History*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277734.013.180>
- Dmitriev, R. V., Gorokhov, S. A. and Zakharov, I. A. (2020). Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions. *Filosofia Theoretica: Journal of African Philosophy, Culture and Religions*, 9, 47–62. <https://doi.org/10.4314/ft.v9i1.4>
- Fituni, L. L. (2017). Jihadistism in strategic perspective. *Asia and Africa today*, 12, 19–24. (In Russian)
- Giroux, J., Lanz, D. and Sguaitamatti, D. (2009). The Tormented Triangle: the regionalisation of conflict in Sudan, Chad and the Central African Republic. *Crisis States Research Centre working papers series*, 2 (47), 2–24.
- Gorokhov, S. A. (2012). Transformation of the Civilizational and Confessional Space of the World in the 20th and at the Turn of the 21st Century. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 6, 107–116. (In Russian)

- Gorohov, S. A. and Zaharov, I. A. (2017). The Development of the Confessional Geospace of Africa in the 20th — the Beginning of the 21st Centuries: Christianity, Islam, Ethnic Religions. In: I. V. Sledzevskij, ed., *Tsivilizatsionnye al'ternativy Afriki. Ser. "Tsivilizatsionnye izmereniia"*. Moscow, 113–128. (In Russian)
- Gorokhov, S. A. (2019). The Cyclical Movement of Religions: From Unity toward... Unity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (4), 388–395. <https://doi.org/10.1134/S1019331619040026>
- Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. and Zakharov, I. A. (2018). Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th — Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*, 39 (1), 88–94. <https://doi.org/10.1134/S1875372818010122>
- Holger, B. (1995). *Religion and Politics in East Africa: The Period of Independence*. London: James Currey.
- Huntington, S. (2003). *Clash of Civilizations*. Moscow: AST Publ. (In Russian)
- Institute for Economics & Peace. (2016). *Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism, IEP Report*. [online] Available at: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> [Accessed Nov. 23, 2020].
- Kanet, R. (2006). The Superpower Quest for Empire: The Cold War and Soviet Support for “Wars of National Liberation”. *Cold War History*, 6 (3), 331–352. <https://doi.org/10.1080/14682740600795469>
- Letter from King Leopold II of Belgium to Colonial Missionaries*, 1883. (n. d.). [online] Available at: <http://www.fafich.ufmg.br/luarnaut/Letter%20Leopold%20II%20to%20Colonial%20Missionaries.pdf> [Accessed Nov. 15, 2020].
- Lyubichankovskij, A. V. (2014). Ethnological Determinants of Localization of the Terrorist Threat in the World. *Vestnik assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov*, 3, 153–158. (In Russian)
- Malysheva, D. B. (1974). *Religion and Politics in the Countries of Eastern Africa*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Moody, J. (2017). *Cameroon — October 2017 Update*. [online] Available at: <https://www.acleddata.com/2017/10/09/cameroon-october-2017-update/> [Accessed Nov. 15, 2020].
- Panin, E. M. (2012). The Islamic Axis of the Great Limitrophe. *Iuzhno-Rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaja geografiya*, 2, 15–30. (In Russian)
- Schroeder, J. R. (2011). *Islam vs. the West: Why the Clash of Civilizations?* [online] Available at: <https://www.ucg.org/the-good-news/islam-vs-the-west-why-the-clash-of-civilizations> [Accessed Nov. 15, 2020].
- Sebencov, A. B. and Kolosov, V. A. (2012). Phenomenon of Uncontrolled Territories in Modern World. *Politicheskie issledovaniya*, 2, 31–46. (In Russian)
- Sherrer, C. P. (2002). *Genocide and Crisis in Central Africa: Conflict Roots, Mass Violence, and Regional Wars*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC.
- Sintserov, L. M. (2019). Geography of International Migration in the Modern Age of Globalization. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaja*, 2, 31–40. (In Russian)
- Sledzevskij, I. V. (2011). The Dialogue of Civilizations as a Semantic Field of World Politics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, 145–156. (In Russian)
- Suprunchuk, I. P. (2015). *Polimasshtabnyi prostranstvenno-vremennoi analiz terroristicheskoi deiatel'nosti*. PhD thesis. North-Caucasus Federal University. (In Russian)
- Tishkov, V. A. (1992). Ethnic Conflicts in the Context of Social Studies Theories. In: E. I. Stepanov, ed., *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologii razresheniya*. Moscow, 23–42. (In Russian)
- Vasil'ev, A. M. and Potapov, A. A. (2002). Conflicts in Africa. In: I. O. Abramova, ed., *Strany Afriki*. Moscow, 48–59. (In Russian)
- Walther, O. (2009). A Mobile Idea of Space. Traders, Patrons and the Cross-Border Economy in Sahelian Africa. *Journal of Borderlands Studies*, 21, 34–46. <https://doi.org/10.1080/08865655.2009.9695716>
- Walther, O. and Retaillé, D. (2010). Sahara or Sahel? The Fuzzy Geography of Terrorism in West Africa. *SSRN Electron Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1803996>

Received: January 26, 2020

Accepted: October 12, 2020

Contact information:

Ivan A. Zakharov — vanszax@yandex.ru

Stanislav A. Gorokhov — stgorohov@yandex.ru

Ruslan V. Dmitriev — dmitrievrv@yandex.ru